

Висленко Андрей Леонидович

кандидат технических наук,
доцент кафедры культурологии
Института философии
Санкт-Петербургского государственного
университета

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ЭВОЛЮЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

Аннотация:

В статье рассмотрена связь между коллективным архетипом социокультурной системы и ее текущим эволюционным состоянием. Показано, что такая связь между ними позволяет однозначно определять текущее состояние социокультурной системы и перспективы ее развития по выявленному коллективному архетипу.

Ключевые слова:

коллективное сознание, архетип, социокультурная система, состояние, эволюция.

Vislenko Andrey Leonidovich

PhD in Technical Science,
Cultural Science Department,
Institute of Philosophy,
Saint-Petersburg State University

ARCHETYPAL DYNAMICS IN THE EVOLUTION OF SOCIO- CULTURAL SYSTEMS

Summary:

The article deals with the correlation between the collective archetype of sociocultural system and its current evolution condition. It is shown, that such correlation between them allows to describe unmistakably the current condition of the sociocultural system and prospects of its development according to the revealed collective archetype.

Keywords:

collective consciousness, archetype, sociocultural system, condition, evolution.

Целью настоящей статьи является показать наличие связи между текущим состоянием социокультурной системы и господствующим социальным архетипом, а также выявить закономерность появления того или иного архетипа в общественном сознании.

В соответствии с информационной концепцией культуры, вновь образующееся коллективное сознание социума формирует собственное информационное ядро, в основе которого лежит некоторая исходная идея. Довольно быстро эта идея переходит в разряд мифов, обрастая толкованиями, интерпретациями и «историческими фактами», что в совокупности формирует постоянную часть ядра. При этом наиболее древние компоненты переходят из явной формы в бессознательную, образуя архетипы данной формы.

Если согласиться с утверждением, что коллективное бессознательное лежит в основе процесса, генерирующего создание социокультурных систем, то далее следует признать также, что поведение этих систем определяется коллективными архетипами так же, как и поведение отдельных людей. Проблема в том, чтобы выявить те специфические архетипы, которые отвечают за поведение социальных групп в данный момент социокультурной эволюции.

По Юнгу, область архетипов бесконечна и ничем не ограничена [1]. Однако следует учитывать, что социальные архетипы, хоть и считаются универсальными, но тем не менее являются национальными по форме, которая определяется так называемым национальным менталитетом или характером. Причем национальный внутренний архетипический образ отличается от внешнего культурного образа, который, в свою очередь, различен для разных внешних носителей иных культур. Такие образы обычно редуцированы до смыслового минимума, чтобы обеспечить универсальность и массовость восприятия в социуме, и, как правило, имеют негативные свойства и характерную утрированную внешность.

Привычный образ немца в европейской традиции – грубый солдафон в мундире, бельгиец – глупец, француз – манерный жадина, русский – пьяный бородатый разбойник, скандинав – высокий холодный жестокий блондин, итальянец – чернявый жулик, англичанин – худой высокомерный зануда, японец – вежливый молчаливый турист с фотоаппаратом и т. д. Особенно часто такие ходячие персонажи можно встретить в кинофильмах или книгах, где они легко опознаются массовым потребителем, при этом, как и положено в масскульте, историческая и культурная достоверность значения не имеют.

Достаточно очевидно происхождение этих образов как результата межкультурной коммуникации на уровне систем в целом. Скандинав – жестокий убийца и душегуб остался в памяти европейцев еще со времен жестоких набегов викингов в ранние Средние века. Представление об итальянце-жулике сложилось за нескольких веков в истории Италии, когда основным занятием ее жителей были разбой и мошенничество. Образ русского – неотесанного, пьяного бородатого

казака сформировался в европейском ментальном пространстве в конце XVIII – первой половине XIX вв. в связи с пропагандой во время прусских войн, походов Суворова, войны против Наполеона и взятия Парижа, а закрепился в первой половине XX века. Сегодня он уже постепенно уступает место новому, но не менее неприятному персонажу – члену жестокой русской мафии, появившейся на Западе после перестройки и распада СССР.

Эти и другие образы живут и изменяются в ходе исторических событий, но изменяется при этом только внешняя форма, сохраняя содержание образа и тем самым прежний способ межкультурной коммуникации. Совсем по-другому образуются и живут архетипические образы, обеспечивающие внутреннее социокультурное поведение индивидуумов в социуме.

Исходя из строения социокультурного информационного ядра, можно предположить, что коллективные архетипы и соответствующие образы, отвечающие за поведение социокультурных систем, подразделяются на два класса:

– короткоживущие (условно *переменные*), которые соответствуют текущей социокультурной ситуации и связаны с предпочтениями, интересами и поведением элиты социума в данный исторический период;

– длительные (условно *постоянные*), которые имеют своим источником исторически обусловленные национальные особенности, характерные и традиционные для данной социокультурной системы в целом, носителем которых является основная масса населения.

Примером *переменных* архетипов являются сменяющиеся образы, формирующие коллективное сознание элиты, как реакция на социокультурное состояние системы, данное Л.Н. Гумилевым в форме пафосных лозунгов при описании повторяющейся последовательности фаз изменения уровня пассионарности в социуме по его этносоциальной модели [2] (что не отменяет применимости этих формулировок и их архетипов при рассмотрении архетипических образов в нашей информационной модели):

Будь тем, кем ты должен быть! – архетип Героя;

Мы устали от великих! – архетип Творца;

Будь таким, как я! – архетип Отца и т. д.

Поиск *постоянных* архетипов, возможно, надежнее всего приведет к результату при рассмотрении творчества поэтов и писателей, творивших в переломное, критическое для их общества время, через те мифические образы, которые использовались ими в своих произведениях. Показательным в этом смысле оказывается соотношение между такими образами, проявившимися в творчестве русских поэтов-эмигрантов и поэтов нового, советского времени.

Появление в общественном коллективном сознании архетипа Матери связано, как представляется, с одной стороны, с интуитивным, почти детским страхом перед подсознательно, но вполне отчетливо ощущаемым приходом перемен, а с другой стороны, с тревожным ожиданием рождения неизвестного нового мира. Одним из наиболее тонких и чувствующих поэтов своего времени был А.А. Блок, который, возможно, одним из первых почувствовал изменения в коллективном сознании русского общества. Не случайно поэтому его цикл стихотворений о Прекрасной Даме (1904) сразу же стал очень популярен и выделил его среди других поэтов того времени, в первую очередь потому, что отразил внутреннее состояние коллективного сознания социума, уже созревшего для перемен, еще не осознанных никем, кроме Поэта.

Результатом развития коллективного архетипического женского образа в его творчестве стал обобщенный образ Родины в одноименном цикле (1907–1916), и особенно в стихотворении «Россия» («Опять, как в годы золотые...», 1908), ставшего самым известным в цикле. Обращение автора к своей Родине «О, Русь моя! Жена моя!» [3], конечно, не следует воспринимать буквально, а только в контексте тех смыслов, который вкладывался в слово *жена* символистской поэзией – это все возможные ипостаси женщины: жена, мать, подруга, наконец, и, возможно, самое главное, Богородица.

Начавшись с образа таинственной Прекрасной Дамы, насыщенного тонкой и сложной символикой, в последующих стихотворениях Блока Россия предстает у него все еще красивой и статной, но уже слабой, печальной и все чаще плачущей женщиной, что показывает, как в творческом сознании Блока происходило изменение осознания, ощущения и чувствования своей Родины, ее горькой судьбы. Логичным итогом развития этой архетипической динамики стало *рождение* Рос-сий-Богородицей нового Бога: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос» (1918). Буквально открытым текстом Поэт объявляет о появлении новой победоносной религии, а вместе с ней – новой культуры и нового общества. Можно сказать, что именно так в его внечувственном восприятии отразился фазовый переход социокультурной системы через точку неопределенности между ее двумя стабильными состояниями.

А теперь обратим внимание на те аллегории и метафоры, которые использовали в своих произведениях поэты, не принявшие новые культурные и социальные формы и писавшие о своих патриотических чувствах позже, уже в 20–30-е гг.

Яркий, но очень трагический образ России еще живет в их сознании и творчестве в первые годы после революции: «Россия, звезды, ночь расстрела» (В. Набоков), «Сторона ль моя, сторона, горевая полоса» (С. Есенин), «Я вспомнил о тебе, моя могила, отчизна, отдаленная моя...», «Россия тишина. Россия прах. А, может быть, Россия – только страх» (Г. Иванов), «В Петербурге мы сойдемся снова, словно солнце мы похоронили в нем» (О. Мандельштам), «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб!» (И. Северянин), «Но ложимся в нее и становимся ею, оттого и зовем так свободно – своею» (А. Ахматова) и то же самое у М. Цветаевой, З. Гиппиус и др. Общий образ здесь – могила и смерть. Предвестие, данное А. Блоком в образе плачущей, слабеющей женщины, закономерно воплотилось в ее гибели – прежняя Россия умирала в коллективном сознании тех, кто еще помнил о ней и любил ее, и затем умерла безвозвратно – уже в 30-е гг. этот образ постепенно уходит из эмигрантского литературного творчества, практически исчезая в 40-е.

На этом фоне совсем иной архетип новой Советской России обнаруживается в стихах А. Безыменского, А. Жарова, М. Светлова, Н. Кузнецова, И. Молчанова, Н. Полетаева, И. Садофьева, И. Уткина и других *детей революции*, как называл их А.В. Луначарский. Этот образ полностью соответствует вначале архетипу Героя, а затем и Творца – и в поступках, и во внешнем облике, и в отношении авторов к тому социокультурному состоянию общества, в котором им выпало жить. Их поэзию времен Гражданской войны и первых послевоенных лет так и называли – героико-романтическая. На смену ей в конце 20-х и в 30-е гг. пришла поэзия трудовых будней, но по-прежнему такая же оптимистическая и полная простых символов новой жизни.

Образ России еще иногда присутствует в новой поэзии и все так же ассоциируется с женщиной, поскольку это древний, медленный архетип, от которого невозможно избавиться полностью никогда, но теперь он выглядит совсем по-иному: «Со всех углов на вас глаза, / Вас тужится в силки поймать / уезднейшая мать-Расея, / татарская, блатная мать» (А. Безыменский, 1925 г.) [4].

В 20–30-е гг. медленный *длительный* образ женщины-жены-Родины-Богородицы в общественном сознании новой элиты был полностью вытеснен *быстрыми* архетипами, отвечавшими текущему состоянию новой социокультурной системы: в период образования и борьбы за выживание системы – состоянию Героя, как правило, это рабочий, пролетарий, иногда солдат или чекист (во время Гражданской войны), а затем, в годы ее становления (индустриализации и великих строек), – это Творец, он же строитель. Эти формы характерны для последовательности состояний эволюционного развития системы, детерминированно сменяющих друг друга в соответствии со сменой ее социокультурных состояний. Создавая настроения новой элиты, эти архетипы доминируют в обществе, формируя и актуализируя новые внутренние связи и обеспечивая социальное поведение масс, необходимое для эволюции системы в нужном направлении.

При возникновении критической ситуации социокультурной системе для сохранения собственного существования становятся необходимы все ресурсы, которые могут добавить энергии социальным связям, скрепляющим систему, и в том числе *длительные* исторические национальные архетипы, чья энергоемкость растет со временем. Использование архетипов этого типа позволяет задействовать в своих целях значительно большее количество людей. Поэтому с началом Великой Отечественной войны, когда встал вопрос о самом существовании не только конкретного социального устройства, но и в целом нации и ее государственности, то есть всей социокультурной системы в ее цивилизационной форме, в мифическом и архетипическом пространстве коллективного сознания народа вновь был востребован *длительный* глубинный образ женщины, проявившийся в призыве *Родина-мать зовет!*

Таким образом, мы заключаем, что можно утверждать существование явного детерминизма в последовательности появления и доминирования конкретных архетипов в коллективном сознании общества, связанного с закономерностью последовательности смены социальных ситуаций в ходе эволюции социокультурной системы. Вскрытие коллективного архетипа позволяет судить не только о текущем состоянии группового сознания и отвечающей ему социокультурной системы в целом, но и о наиболее вероятном направлении ее дальнейшей эволюции в точках бифуркации.

Ссылки:

1. Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного. М., 1994. 297 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2005. 560 с.
3. Блок А.А. На поле Куликовом // Блок А.А. Стихотворения и поэмы. Минск, 1980.
4. Безыменский А. Со всех углов на вас глаза... // 30 дней. 1925. № 4. С. 34–35.

References:

1. Yung, KG 1994, *Archetypes of the collective unconscious*, Moscow, p. 297.
2. Gumilev, LN 2005, *Ethnogenesis and the Biosphere*, Moscow, p. 560.
3. Block, AA 1980, 'On Kulikovo Field', *Block AA Poems*, Minsk.
4. Bezymenskii, A 1925, 'From all corners staring at you', *30 days*, no. 4, pp. 34-35.